

ОБ ОСНОВНОМ ПАФОСЕ «КРИТИЧЕСКОЙ» ФИЛОСОФИИ

Чем дальше в прошлое уходят от нас времена великих основоположников современной философской культуры, тем глубже и яснее видим мы их ошибки и заблуждения. Но время обнажает не только их недостатки — оно высвечивает и зерна истин, некогда преждевременных, но для которых настает свой час, и они дают дружные всходы.

Таков Иммануил Кант и его творчество. Противоречивое, но и богатое наследие Канта продолжает активно воздействовать на философскую борьбу, поставляя все новый материал.

Проблемы, поднятые Кантом в «Критике чистого разума», всем ходом развития философии оказались критически подхваченными и развитыми. Этого нельзя сказать о двух других кантовских «Критиках», особенно о «Критике способности суждения». Они подвергались справедливой критике за априоризм и формализм, ригоризм и «незаинтересованность», но их позитивное содержание в значительной мере еще не освоено и ждет изучения.

Этическим и эстетическим взглядам Канта в нашей философской литературе не посвящено специальных монографических работ. Имеющиеся весьма немногочисленные статьи в различного рода изданиях носят в основном, за исключением работ В. Ф. Асмуса, исторический, ознакомительно-описательный характер. Глубокий и всесторонний, а главное, конструктивный анализ кантовской этики и эстетики, соотносящий идеи Канта с достижениями и проблемами марксистско-ленинской этики и эстетики, — одна из задач историко-философской науки. Этика и эстетика Канта являются элементами его философской системы. Неоднократно отмечался их философский характер. Канта интересуют прежде всего философско-методологические и гносеологические проблемы как этики, так и эстетики, или, говоря современным языком, метаэтические и метаэстетические проблемы. Но именно они оказались в центре внимания современной марксистской этики и эстетики. В условиях, когда наука находится перед подъемом на качественно новый уровень своего развития, неизбежно растет внимание к категориальному строю и методологическим проблемам ее. Всестороннее изучение кантовского наследия и

в этом отношении имеет не только исторический, но и теоретический интерес.

Сравнительно скромные успехи в освоении этих частей кантовского теоретического наследия объясняются отнюдь не одним недостатком внимания к ним. Из поля зрения теоретиков никогда не выпадали ни этика, ни эстетика Канта. Но успех изучения любого элемента зависит от учета его места в системе. Общие и целостные закономерности системы являются определяющими для любого из элементов, почему рассмотрение его в условиях отвлечения от целого решающим образом обедняет содержание элемента, смещает акценты с сущности на способы проявления этого элемента. Без учета глубинных целей, ради достижения которых создана вся система Канта, многие его идеи остаются в тени, само его творчество предстает не как органичный и закономерный процесс, движущийся от этапа к этапу, а обнаруживает необъяснимый катаклизм, разделяющий процесс кантовского творчества на «докритическую» и «критическую» части.

В этом плане анализ этики Канта, производимый без учета всей системы критической философии, чрезвычайно сужает этическое учение Канта. «Критика практического разума» посвящена проблемам логико-методологическим, проблемам нормативного сознания, на основе определенного решения которых Кант рассматривает лишь самые общие, самые кардинальные проблемы из проблем собственно этических. Их развернутое изложение Кант дает в «Метафизике нравов», но исследователи редко обращаются к этому сочинению; поэтому, с одной стороны, обедняется этика Канта, будучи сведенной к учению о долге как носителе категорического императива, а с другой стороны, даже эта часть этического учения Канта, рассматриваемая вне связи с метаэтической и общетеоретической проблематикой, исследуется весьма поверхностно. В этой связи О. Г. Дробницкий отмечает, что «принципиальная научная (антинормативная) методологическая тенденция его этики каким-то образом осталась в тени»¹.

В истории этики довольно распространенной точкой зрения является мысль о том, что вся грандиозная система критической философии построена специально для решения этических проблем. В этом отношении Кант уподобляется Платону. При такой позиции сущность кантовской системы ставится с ног на голову: один из результатов теории, хотя и важнейший, принимается здесь за исходный постулат. Ясно, что неверный выбор общих исходных позиций вредит не только анализу целого, но даже и гипертрофируемой части. Известное внешнее сходство систем Платона и Канта не означает тождества основных, одушевляющих эти системы идей, и то, что в какой-то мере справедливо по отношению к Платону, совсем несправедливо по отношению к Канту.

¹ Дробницкий О. Г. Теоретические основы этики Канта. — В кн.: Философия Канта и современность. М., 1974, с. 136.

Не менее распространена и другая точка зрения, согласно которой центральное место в системе Канта занимает эстетика. Кант будто бы последовательно, через две предыдущие свои «Критики» поднимался к вершине — проблеме человека, а значит, и к эстетике. С известными оговорками эта мысль выражена, например, А. В. Гулыгой: «Что такое человек?» — так звучит... основной для Канта вопрос философии¹. Ответ на этот вопрос Кант дает своей «Критикой способности суждения», полагает А. В. Гулыга.

Однако вопрос этот есть непреходящий вопрос любой философской системы, поскольку представляет собой составную часть основного вопроса философии, в сущности своей прежде всего гносеологического. И Кант не просто имплицитно занимается решением вопроса о том, что такое человек, но он его сознательно эксплицирует. Ответ на него Кант дает только всей системой в целом, но общие контуры его решения даны «Критикой чистого разума»; другие же труды мыслителя лишь вносят определенные штрихи в этот общий абрис. Кант, по характеристике В. Ф. Асмуса, создает «эстетику, в которой учение о прекрасном и учение об искусстве сознательно обосновываются философски, ставятся в связь и в зависимость от философского мировоззрения автора» (разрядка моя — Л. К.)². Подчиненность эстетических проблем гносеологии и методологии познания обнаруживается всей композицией «Критики способности суждения». Критика телеологической способности суждения, развитая во второй части работы, предваряется критикой эстетической способности суждения, где способность суждения представлена в ее чистом виде, ничем приводящим не замутненным. Только изучив такой ее вид, Кант приступает к исследованию телеологической способности, где способность суждения выступает в органической связи с рассудком и разумом. Этой задаче Канта подчиняются и те изменения, которые вносятся им в окончательный вариант введения к книге и справедливо отмечаются А. В. Гулыгой³. Кант добивается более резкого сопоставления эстетического и телеологического суждений: «Эстетическая способность суждения есть... особая способность рассматривать вещи согласно некоторому правилу, но не согласно понятиям. Телеологическая же способность суждения есть не особая способность, а только рефлектирующая способность суждения вообще... по своему применению она принадлежит к теоретической части философии»⁴. Но по своей структуре она аналогична эстетической способ-

¹ Гулыга А. В. Место эстетики в философской системе Канта. — В кн.: Философия Канта и современность. М., «Мысль», 1974, с. 271.

² Асмус В. Ф. Немецкая эстетика XVIII века. М., «Искусство», 1962, с. 161.

³ Гулыга А. В. Место эстетики в философской системе И. Канта, с. 273.

⁴ Кант И. Соч., т. 5, с. 195.

ности суждения, что и заставляет относить ее к особой способности души и рассматривать в специальной «Критике».

Подчиненность эстетических проблем гносеолого-методологическим обнажается и содержанием «Критики способности суждения». Из всего многообразия эстетических явлений Кант ограничивается рассмотрением прекрасного и возвышенного. Это явно показывает, что Канта интересует не эстетика сама по себе, а структура эстетического сознания как оценочного и его отношение к теоретическому сознанию (гносеологическому) и практическому сознанию (нормативно-регулятивному). Логика рассуждений о познавательных возможностях разума человека привела его к эстетике, а не наоборот¹.

Характернейшей чертой современного состояния науки — и это, видимо, служит одним из признаков ее революционного состояния — является саморефлексия ее, находящая выражение, в частности, в рождении логики и методологии научного исследования. Кант, воспринятый в этом свете, предстает перед нами как философ, занятый прежде всего проблемами методологии и логики научного познания. Проблемы методологии познания — скрытый нерв, пружина его философских исканий. (Проблемы совмещения детерминизма и свободы, науки и религии, проходящие сквозь все важнейшие произведения Канта, являются производными от проблем методологии.) Именно этим он современен.

Как ученый Кант не мог примириться с юмовским скептицизмом, поставившим под сомнение науку и научную деятельность. Доказать общественную значимость науки стало одной из задач его жизни. Будучи ученым энциклопедического склада, Кант, как никто другой в XVIII веке, мог смотреть на нее в целом и на отдельные ее части: и точные науки (математика и механика), и естественные, и гуманитарные — все были в поле его зрения. Поэтому перед взором Канта вставали методологические проблемы научного познания его века в целом, равно как проблемы и трудности отдельных научных направлений.

В сколь бы далеких от методологических проблем областях философии не находилась, на первый взгляд, мысль Канта, он изучал их именно как методолог познания. В естествознании его века господствовал метафизический подход к изучению природы, принесший несомненные плоды и настолько утвердившийся, что представлялся единственно научным подходом, единственно имеющим право говорить от имени Науки. Абстракции и допущения метафизической методологии давали возможность отобразить такие закономерности различных природных систем, как физические и химические макро-

¹ Глубина и пронизательность работ В. Ф. Асмуса об эстетике Канта, кроме всего прочего, объясняется правильно найденным углом зрения. Сквозь призму общегносеологических проблем, решаемых Кантом, видно, что он и к эстетике подходит как гносеолог, что аксиология является следствием его гносеологии.

процессы. Их сущность могла быть схвачена и выражена как раз с помощью абстракций. Подавляющее большинство фактов механического движения макротел, опирающееся на факт кратных отношений между химическими элементами представление о строении известных в то время химических веществ и ходе химических реакций, соответствовало метафизическим принципам.

Принципы научного мышления, полагал Кант, как раз и суть принципы мышления механиков (физиков) и химиков его времени, научным может быть признано только такое мышление.

Однако попытки приложить принципы этой методологии к изучению биологических явлений, а тем более социальных систем и законов их функционирования и развития, не имели, и не могли иметь никакого успеха. Метафизический материализм был здесь бессилён. Метафизическая методология не выходила из круга привычных житейских представлений, традиционной житейской мудрости; попытки же проникнуть в сущность изучаемых явлений приводили лишь к тривиальным логическим кругам, очевидным для Канта. Таким образом сложилось положение, при котором образовались области, куда науке вход оказался закрыт. Этими областями были жизнь и социальная жизнь — общество.

Философский идеализм и религия торжествовали над метафизическим материализмом.

Это противоречие научного мышления XVII—XVIII вв. — блестящие успехи в одних областях и полное бессилие в других, — осознанное Кантом как непреложное, вечное и неразрешимое, было возведено им в ранг основного системосозидающего принципа: стержневой антитезой кантовской философской системы является антитеза познаваемости характеризующихся необходимостью природных феноменов, с одной стороны, и принципиальной непознаваемости характеризующихся свободой социальных явлений, с другой.

Проникновение научного познания в биологию и социологию обязано новым философским принципам — диалектического материализма, «неизмеримо более богатого содержанием и несравненно более последовательного, чем все предыдущие формы материализма»¹. Кант стоит у самых истоков, делает лишь первые шаги в направлении диалектического мышления: им, в частности, вводится в естествознание принцип историзма, он же приписывает разуму антиномическую противоречивость.

Осмыслить эти новые возможности в области философско-научного познания Кант оказался не в состоянии. Но его пессимизм агностика, как показывает дальнейшая история философской мысли Германии в первой половине XIX в., сыграл скорее стимулирующую роль в деле разработки диалектических методов мышления, нежели консервативную. Уже Фихте, но особенно Шеллинг и, конечно, Ге-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 357.

гель, отвергая кантовский агностицизм, наметили новые методологические пути познанию. Но их идеалистическая диалектика, будучи логически непоследовательной, противоречивой и теоретически путанной, отпугивала ученых-естественников от сознательного овладения методом диалектического мышления; в то же время она явилась краеугольным камнем в здании подлинно научной материалистической диалектики Маркса и Энгельса, послужившей методологической основой научного мышления XX века, созданной заблаговременно и обеспечившей методологически современную революцию в науке.

Однако Кант, всего-навсего разделивший мир на действительный и потусторонний, трансцендентный, и объявивший, что те явления мира действительного, которые тесно соприкасаются с трансцендентным миром, то есть живая природа и общество, непознаваемы, не был бы тем Кантом, какого мы знаем, не был бы философом, до сих пор гальванизирующим оскудевшую буржуазную философскую мысль. Он не был бы философом, который и для марксистско-ленинской философии являет собой не только кладезь примеров ошибочного решения различных теоретико-познавательных проблем, но и предшественника в борьбе за Человека с большой буквы, провозгласив, что «во всем сотворенном все что угодно и для чего угодно может быть употреблено всего лишь как средство; только человек, а с ним каждое разумное существо есть цель сама по себе»¹.

Он остается философом, без имени которого не обходится ни одна фундаментальная работа по философии потому, что сумел остро и определенно поставить ряд таких проблем, которые продолжают до сих пор волновать философов, будучи злободневнейшими и в наше время. Такой является, например, проблема специфики философских категорий и способа построения системы категорий. Такова же и проблема соотношения эмпирического и теоретического уровней знания, корнями уходящая в спор между сенсуалистами и рационалистами, осмысленная и выдвинутая Кантом в качестве важнейшей проблемы методологии научного познания. Что это так, показывает глубокий современный кризис неопозитивизма, специализирующегося как раз на вопросах логики и методологии научного познания, для которого данная проблема оказалась камнем преткновения.

Однако все это, по характеристике самого Канта, проблемы «чистого теоретического разума», то есть проблемы научного познания, гносеологические проблемы, значение же Канта гораздо шире рамок гносеологии.

Придя к выводу о наличии непознаваемых явлений, об ограниченности «теоретического» разума, Кант не удовлетворился этим. Он выдвигает положение о том, что сознание человека — по Канту, душа — кроме познавательных способностей, располагает иными спо-

¹ Кант И. Соч., т. 4(1), с. 414.

способностями, не сводимыми к познавательным, которые дают человеку средство проникнуть в непознаваемые сферы и которые тем самым значительно увеличивают могущество его души. Этими способностями являются «чистый практический разум» и «способность суждений». Первое есть моральное сознание, основу и сущность второго составляет эстетическое сознание.

Область познавательных способностей сознания, то есть гносеология, была подвергнута глубокому теоретическому анализу и предшественниками Канта, многие достижения которых он синтезировал в теоретической концепции «Критики чистого разума»; но в области изучения морального и особенно эстетического сознания глубоких теоретических построений не было, обобщался и классифицировался лишь эмпирический материал, высказывались отдельные идеи. Поэтому Кант во многом шел непроторенными путями, создавая теоретические системы «Критики практического разума» и особенно «Критики способности суждения». Его с полным правом рассматривают основоположником аксиологии — общей теории ценностей и оценок, с позиций которой он подходил к решению проблем этики, и эстетики.

Внимание Канта постепенно смещалось все более в область человековедения. «Докритический» период его деятельности был главным образом посвящен естествознанию, в обществоведение он делал лишь незначительные экскурсы. Через постановку методологических проблем Кант приходит к «критическому» периоду деятельности, основной пафос которого — изучить познавательные возможности и способности человека, — естественно переводит интересы Канта в область гуманитарного знания.

А поскольку он убежден, что в деле познания человеческого мира «чистый теоретический разум» (научное познание) бессилен, то обращение Канта к области гуманитарного знания и есть изучение им таких «познавательных способностей», которые отличны от научного познания. Кант занимался этими проблемами, будучи зрелым мыслителем, во всеоружии своего теоретического опыта, что и обусловило необыкновенную глубину и пронизательность его суждений в области как этических, так и эстетических проблем.

Ход современной научно-технической революции как никогда остро поставил перед обществом проблему соотношения знаний и ценностей; истины, с одной стороны, и добра и красоты — с другой. Эта проблема является сейчас одной из важнейших проблем методологии и логики общественных наук, где любой вопрос, любая задача не могут быть решены без точного и определенного понимания места ценностей в исследовании. Она все более активно «мигрирует» в области естествознания, в том числе и фундаментального, поскольку разворачивается процесс сближения и взаимопроникновения естествознания и обществоведения, осуществляется прогноз К. Маркса о том, что «впоследствии естествознание включает в себя науку о человеке в та-

кой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука»¹.

Речь, следовательно, идет о значительно более глубоком, интимно-внутреннем единстве знания и ценностей, нежели применение вполне самостоятельных, автономных ценностных критериев к определению допустимых или запретных для науки тем исследования или способов применения тех или иных научных достижений, стерильно очищенных от ценностей. Как говорит И. Новик, «сейчас исключительно важны «онаученная ценностная оценка» и «аксиологизированная методология». При этом необходима их внутренняя интеграция, а не внешняя рядоположенность, достижимая только при условии синтеза различных областей духовной культуры (естествознания, обществознания, этики)»².

Кант стоит у истоков подобного рода идей, почему его работы по этике и эстетике приобретают в настоящее время злободневный интерес. Анализ аксиологических идей Канта, нашедших отражение в его этических и эстетических взглядах, должен послужить дальнейшему развитию и обогащению марксистско-ленинской аксиологии, успешно развивающейся в последнее время, а также более углубленной и конструктивной критике новых и новейших буржуазных философских концепций, подобных неокантианству, философии жизни или экзистенциализму, опирающихся на аксиологические идеи, прямо или косвенно во многом заимствованные у Канта. Для буржуазной философии XX века характерно все большее перенесение центра тяжести в область аксиологии, еще во многом не разработанную, поскольку борьба с диалектическим материализмом на почве гносеологии стала бесперспективной, если не проигранной окончательно.

Гносеологические проблемы являются основными для европейской философии вплоть до Гегеля. Что же касается периода от Бэкона до Гегеля, то такая характеристика справедлива вдвойне. Еще гуманисты Возрождения выдвинули лозунг борьбы за освобождение разума человека от «религиозных ценностей». Их усилиями в рамках европейской культуры зарождается норма подхода к знанию как самоценности. Homo sapiens, человек, обладающий знаниями, проникающий во все тайны мироздания в антропоморфном мире — вот идеал Просвещения, традиции которого поддерживались активно развивавшимся процессом превращения производства «в технологическое применение науки». При таком положении складывалось убеждение, пронизывающее все общественное сознание, что знание — панацея от всех общественных бед, основа добра и красоты, что мораль, а тем более искусство, имеют опору в знании и призваны служить познанию

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956, с. 596.

² Новик И. Б. Единство методологии аксиологии как выражение синтеза знаний. — В кн.: Синтез современного научного знания. М., «Наука», 1973.

и только познанию. Лишь со второй половины XIX века буржуазная философия становится все более антиинтеллектуалистической, все больший вес в ней приобретает иррационализм. Провозвестники такого поворота — С. Кьеркегор и А. Шопенгауэр. Что касается Канта, то он целиком принадлежит классическому периоду буржуазной философии и разделяет с ней все иллюзии. Но, будучи выразителем идеологических взглядов немецкой буржуазии XVIII века, которая слишком медленно созревала как класс, но зато и слишком быстро перезрела, Кант небогаторочно разделял эти иллюзии. Немецкие бюргеры, особенно прусские («здесь нельзя говорить ни о сословиях, ни о классах, а в крайнем случае лишь о бывших сословиях и неродившихся классах») ¹, в лице Канта и мечтали о торжестве Разума, и боялись этой мечты, собственной смелости, ограничивая возможности разума в этом мире, но мечтая о его торжестве в мире трансценденции.

«В то время, — пишет Маркс, — как французская буржуазия, благодаря колоссальнейшей революции, какую только знает история, достигла господства и завоевала европейский континент, в то время как политически уже эмансипированная английская буржуазия революционизировала промышленность и подчинила себе Индию политически, а весь остальной мир коммерчески, — в это время бессильные немецкие бюргеры дошли только до «доброй воли». Кант успокоился на одной лишь «доброй воле», даже если она остается безрезультатной, и перенес осуществление этой доброй воли, гармонию между нею и потребностями и влечениями индивидов, в потусторонний мир» ².

Кант, однако, был бы весьма ординарным мыслителем, если бы просто облек в теоретическую форму обыденные настроения трусливой буржуазии и, в отличие от французских материалистов, целиком сделавших ставку на разум, ограничил бы его возможности и оставил место для веры. Тонкость ситуации состоит в том, что Кант фактически это и сделал, но мотивы такого поворота в его теоретической философской концепции весьма далеки от одних лишь социально-психологических настроений среды, в которой он жил и к которой принадлежал. Среда, конечно, оказывала свое влияние, но не прямо и не непосредственно.

Кант прежде всего ученый и философ, занятый проблемами гносеологии, методологическими проблемами науки. Если успехи математики и механики, физики и химии вполне удовлетворяли Канта, то состояние биологии было уже трудной проблемой. Методы, безотказно действующие в других науках, здесь оказывались безрезультатными: «Вполне достоверно то, что мы не можем в достаточной степени узнать и тем более объяснить организмы и их внутреннюю

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 183.

² Там же, с. 182.

возможность, исходя только из механических принципов природы»¹. Здесь Кант был абсолютно прав, и мысль его ищет выхода из тупика.

Он пробует приложить метафизическую методологию к познанию жизни и так, и иначе, но всегда обнаруживает, что все попытки такого рода тщетны: «Если целесообразность природы в организмах хотят выводить из жизни материи, а эту жизнь, в свою очередь, знают только в организмах., то при объяснении неизбежно попадают в порочный круг»². Без обращения к диалектическому методу развития порочный круг действительно неизбежен, остаться здесь на научных позициях можно только при том условии, что признается историчность свойств и состояний материи, что у неорганической материи есть такие свойства, которые в определенных условиях трансформируются в свойства материи живой. Это относится и к свойству целесообразности. Удивительно то, что в своей космогонической гипотезе Кант сам же использует этот принцип историзма, причем логическая основа принципа ему абсолютно ясна. В статье «О применении телеологических принципов в философии» он пишет, что «проследить связь некоторых существующих ныне свойств природных вещей с их причинами в более древнее время согласно законам действия, которые мы не выдумываем, а выводим из сил природы, как она представляется нам теперь, и проследить эту связь лишь настолько, насколько это позволяет аналогия,— единственно это было бы историей природы, и притом такой, которая не только возможна, но и которую довольно часто — например, в теориях Земли (среди них занимает свое место и теория знаменитого Линнея) — исследовали основательные естествоиспытатели, все равно много или мало они преуспели в этом»³.

Несмотря на все это, метафизические принципы торжествуют: «Нельзя даже представить себе возможность живой материи (понятие которой заключает в себе противоречие, ибо безжизненность, inertia составляет существенный признак материи)...»⁴ Они торжествуют не без влияния господствующих в общественном сознании Пруссии настроений, и Кант приходит к выводу, что «можно смело сказать: для людей было бы нелепо даже только думать об этом или надеяться, что когда-нибудь появится новый Ньютон, который сумеет сделать понятным возникновение хотя бы травинки, исходя лишь из законов природы, не подчиненных никакой цели. Напротив, такую пронзительность следует безусловно отрицать у людей»⁵.

Эти мысли о нематериальности сущности живого — о непринадлежности ее естественно-природному миру феноменов — опираются не только на состояние биологической науки того времени, которая

¹ Кант И. Соч., т. 5, с. 428.

² Там же, с. 422.

³ Там же, с. 70—71.

⁴ Там же, с. 422.

⁵ Там же, с. 428.

вне диалектико-материалистической методологии вообще не может стать наукой теоретической, но подкрепляются социологическими идеями Канта. Общество еще менее может быть понято вне диалектики. Безусловная целесообразность человеческой трудовой деятельности никаким образом не может быть подведена под физико-механические законы. Без учета относительной самостоятельности общественного сознания и его активно-творческой, преобразующей функции в общественной жизни, законы функционирования и развития общества останутся за семью печатями. Опора на это последнее обстоятельство давала определенные преимущества идеализму перед материализмом: «отсюда... произошло, что деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом...»¹ Правда, относительная самостоятельность сознания идеализмом, с одной стороны, абсолютизировалась, а с другой, деятельная сторона развивалась «абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»². Эта Марксова характеристика идеализма как будто специально посвящена философской концепции Канта.

Относительная самостоятельность сознания, выражающаяся в свободе человеческих действий, абсолютизируется Кантом и представляется в виде свободы как «способности действовать независимо от законов природы»³, «начинать событие спонтанно»⁴. В таком понимании свобода абсолютно очищена от естественноприродной необходимости, необходимость же принадлежит исключительно миру природы; и сам человек, в той же мере, в какой он подчиняется необходимости, не представляет собой собственно человека, а является лишь антропоморфным феноменом, тогда как собственно человек, сущность человека, принадлежит миру ноуменальному, миру «вещей в себе». Кант совершенно справедливо полагает, что деятельность человека может содержать в себе единство противоположностей — свободы и аподиктической природной детерминированности — только в разных отношениях. Иначе ситуация будет формально-логически противоречивой. Однако идеализм и метафизика мешают ему усмотреть такую возможность в едином бытии, как это имело место в воззрениях Гоббса и в особенно четкой форме — у Спинозы. Противоречия во взглядах этих мыслителей действительно возникали, но они возникали не потому, что сама идея единства свободы и необходимости в рамках единого материального бытия — противоречивая в логическом отношении идея, а потому, что, будучи диалектической, она противоречила другим постулатам их теоретических построений.

Так или иначе, но разные отношения оказались для Канта и разными мирами. Весь ход своих размышлений над этим предметом

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1.

² Там же, с. 1.

³ Кант И. Соч., т. 3, с. 437.

⁴ Кант И. Соч., т. 4(1), с. 166.

Кант великолепно анализирует в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума», заканчивая этот анализ так: «не боясь впасть в противоречие, одну и ту же волю в ее проявлении (в наблюдаемых поступках) можно мыслить, с одной стороны, как необходимо сообразующуюся с законом природы и постольку не свободную, с другой же стороны, как принадлежащую вещи в себе, стало быть, не подчиненную закону природы и потому как свободную»¹.

Таким образом, свобода свидетельствует об особом мире со своей особой детерминацией через свободу, которая ограничивает мир естественной, связанной с пространством и временем детерминации. Сам этот мир и все, связанное с ним, не подвластны теоретическому разуму и являются сферой полномочий разума «практического».

В полном согласии с характеристикой Маркса, практический разум рассматривается Кантом в предельно абстрактном виде, будучи сведенным исключительно к моральному сознанию, нравственности. Причины этого сведения многообразны и требуют специального изучения. Можно отметить только, что моральное сознание обнаруживает свою специфику в принципиально нормативном характере, а для практического применения разума необходимо обладать не чем иным, как системой норм, предписаний деятельности. Еще Юм в «Трактате о человеческой природе...» приходит к выводу, что моральные нормы не могут быть выведены из знаний, равно как не могут быть и сведены к знаниям.

Кант всесторонне развивает этот тезис своего предшественника, но, как и Юм, ограничивает качественную специфику норм одними только моральными нормами. Он тратит много усилий на доказательство того, что нормы «человеческой предметной деятельности, практики»² не обладают этой спецификой и не выходят за пределы теоретического применения разума, однако все усилия остаются тщетными. Без противоречия самому себе доказать это Кант не в состоянии. Так, он пишет, различая «технически практические принципы» и «морально практические принципы», что «совокупность практических предписаний, которые дает философия, вовсе не потому составляют особую — наряду с теоретической — часть ее, что это практические предписания — ведь такими они могли бы быть, даже если бы их принципы были целиком взяты из теоретического познания природы (как технически практические правила), — а только потому и в том случае, если принцип не заимствуется из всегда чувственно обусловленного понятия природы, стало быть, основывается на сверхчувственном, которое обнаруживается только понятием свободы через формальные законы и, следовательно, эти предписания суть морально практические, то есть не просто предпи-

¹ Кант И. Соч., т. 3, с. 94.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1.

сания и правила в том или другом отношении, а законы без предвзятительной ссылки на какие-либо цели и намерения»¹.

Однако, по характеристике самого же Канта, моральные императивы и правила, из них следующие, ориентированы на конечную цель. «Цель и долг», то есть нормы, ориентированные на «систему целей чистого практического разума»², составляют содержание морального сознания, равно как и правового.

Своим учением о «практическом разуме» Кант намечает подход к важнейшей идее гносеологии, что познание не мыслимо как только и исключительно теоретико-спекулятивное, что его определяет целями регулируемая деятельность, то есть практика, которая, таким образом, является составным моментом процесса познания. Практика как система определяемых целями норм деятельности внедряется в познавательную деятельность как система норм экспериментальной деятельности и система норм логики. «Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом»³. Правда, сам Кант разделяет китайской стеной познавательную и практическую деятельность, помещая их даже в разные миры, но объективное содержание его идей торжествует над его субъективными усилиями. Канту принадлежит мысль, что без обращения всей мощи философско-теоретического знания на изучение системы нормативных функций сознания и ценностных фракций невозможно постигнуть сколь-либо полно системы познавательных функций. Не без участия Канта мы понимаем сейчас, что система научных знаний содержит в себе систему ценностей и норм, которые никакими усилиями не могут быть оттуда устранены, что научная деятельность будет тем успешнее, чем лучше мы будем знать, что это за ценности и нормы и какова их роль в знании.

Глубокое и всестороннее развитие как этики, так и эстетики, представляющее собою большую и важную самостоятельную задачу, всем ходом развития современной науки превращается в средство ее (науки) дальнейшего продвижения к истине. Кант одним из первых поставил вопрос именно так. Человечество достигает Истины, добываясь ее гармонии с Добром и Красотой.

¹ Кант И. Соч., т. 5, с. 171.

² Кант И. Соч., т. 4(2), с. 314.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 172.